

Бабушка Лян расплылась в улыбке:

— Ну вот! Врачи в уездном городе действительно другие. Когда мы повели Дачуна лечить раны, они, добрые люди, заодно вылечили и его истерику.

В их семье никогда не считали, что у Лян Цзивэня проблемы с головой, говорили только об истерии, надеясь, что однажды он поправится. И, к счастью, небеса смилостивились, и Лян Цзивэнь действительно выздоровел.

Тетя Сун улыбалась тепло, кивая в знак согласия, но в душе она была полна презрения. Ну что за дурак, называть это истерией, только свои домочадцы могут в это поверить.

Бабушка Лян тепло пригласила тетю Сун посидеть и поболтать, но та поспешно отказалась, хотя её взгляд то и дело устремлялся в сторону Лян Цзивэня.

— Пойду, пойду, не провожайте, — сделала вид тетя Сун, но с места не сдвинулась.

— Тетя Сун, спокойного пути, — четко и ясно произнес Лян Цзивэнь, провожая гостью.

Услышав, как Лян Цзивэнь четко и ясно произнес это, тетя Сун чуть не выронила глаза от изумления. Насмотревшись на диковинку, она быстро удалилась, полная удивления.

Лян Цзивэнь пролежал в больнице три дня, а дома еще семь, и чувствовал, что кости его совсем размякли. Каждый день он заставлял Лян Цзию читать ему лекции, слушая его невпопад, но эти мучения приносили некоторую пользу. Под его строгим взглядом Лян Цзию наконец-то начал делать успехи: по крайней мере, перестал нести несусветную чушь, а его речь стала хоть как-то связной.

Проводив тех, кто пришел посмотреть на него, Лян Цзивэнь был несколько озадачен. Он знал о сплетнических наклонностях сельчан, но не ожидал, что даже через семь дней толпа людей будет приходить под предлогом болтовни поглядеть, действительно ли он выздоровел. Некоторые суеверные старушки приводили внуков, якобы навестить больного, но все понимали: они пришли погреться в лучах чужой удачи. Это были пережитки прошлого, о которых вслух не говорили.

Лян Цзивэнь терпел-терпел, но в итоге ускорил заживление ран, а затем в душе стал корить себя за изнеженность. Ведь в прошлой жизни он просидел почти сорок дней в крошечной камере, где не мог ничего делать, даже тренироваться.

Лян Цзяньлян, вернувшись с работы, несмотря на сопротивление Лян Цзивэня, привел старого врача из соседней бригады, чтобы снять швы. Затем дедушка Лян упросил врача остаться, и все вместе они поклонились портрету Председателя, бормоча слова вроде «Да здравствует Председатель». О том, что они думали на самом деле, знали только они сами.

Врач поклонился вместе с ними, но наотрез отказался остаться на ужин. Дедушка Лян, чувствуя неловкость, попросил старшего дядю Ляна проводить его домой.

После довольно сытного ужина Лян Цзивэнь попросил у Тянь Фан разрешения каждый день выходить на улицу.

Тянь Фан колебалась. Она знала, что Лян Цзивэнь, просидев дома столько дней, наверняка скучал до смерти, но боялась, что с ним снова что-нибудь случится. Лян Цзивэнь попытался изобразить на лице жалобное выражение, но никто этого не заметил.

Неизвестно, оттого ли, что он так давно не делал живых гримас, или это было врожденным, но теперь, независимо от того, что он чувствовал внутри, его лицо всегда оставалось бесстрастным. Поэтому, был он сейчас в своем уме или раньше считался дурачком, мало кто из детей смеялся над ним в лицо — его внешность внушала им страх.

— Пройтись тоже полезно, в деревне не каждый день бегают дикие кабаны. Эрчун, завтра ты пойдешь с братом.

Тянь Фан все еще колебалась, но дедушка Лян быстро принял решение.

Дедушка Лян был человеком авторитетным. Бабушка Лян, хоть и была немного недовольна, не хотела перечесть ему, поэтому промолчала.

Больше всех был рад Лян Цзию. Все эти дни он был вынужден читать книги под надзором Лян Цзивэня и уже много дней не играл с друзьями. Думая о том, что завтра он наконец освобождается, Лян Цзию поспешно кивнул и пообещал:

— Дедушка, не волнуйся, я обязательно присмотрю за старшим братом. Он вернется домой таким же, каким вышел!

Сегодня вечером, после снятия швов, Лян Цзивэнь наконец-то смог как следует помыться. Хотя все эти годы он считался несмышленишкой, у него были базовые навыки самообслуживания. С пяти лет он уже мылся сам, что было раньше, чем у некоторых нормальных детей. Это было одной из причин, по которой семья Лян всегда верила, что Лян Цзивэнь не глухой.

На следующее утро все завтракали жидкой кашей, в которой можно было увидеть собственное отражение, приправляя её большой миской капусты без капли масла. Завтрак прошел в тишине. Лян Цзию облизнул губы, вспомнив о мясной подливке, которую они ели несколько дней назад. В те дни Лян Цзивэню полагалось две ложки мясной подливки, а ему и двум сестрам — по одной. Хотя у сестер в сумме было столько же, сколько у него, в других семьях они бы, возможно, и крошки не получили.

Лян Цзию с тоской смотрел на кашу с мясной подливкой в мисках младших, а затем перевел взгляд на миску Лян Цзивэня. Яичный омлет ярко-желтого цвета почти ослепил его.

Этот омлет бабушка Лян приготовила для Лян Цзивэня, чтобы подправить здоровье. Утром она приготовила омлет из одного яйца: одну ложку досталось Лян Цзихэну, Лян Цзин и Лян Юэ разделили между собой большую ложку, а остальное досталось Лян Цзивэню.

Старшие в семье Лян привыкли опускать голову во время еды. Они знали о детских желаниях, но не могли их удовлетворить, поэтому предпочитали делать вид, что ничего не замечают, чтобы не терзать себя понапрасну. Лян Цзию тоже понимал реальность, поэтому он лишь несколько секунд смотрел, а затем отвернулся, заставляя себя не смотреть.

Лян Цзивэнь намеренно не смотрел на него, быстро доел и сказал:

— Папа, мама, дедушка, бабушка, дядя, тетя, мы с Эрчуном пошли гулять.

— Идите, только возвращайтесь пораньше. Эрчун, присмотри за братом, — сказала бабушка Лян.

Услышав слова старшего брата и бабушки, Лян Цзию быстро спрыгнул с кана и побежал, но тут же вспомнил, что Лян Цзивэнь только что поправился и бегать не может, поэтому

вернулся, чтобы поддержать его.

Стоило Лян Цзию выйти за ворота, как он чуть не сошел с ума от радости. Его худенькое лицо сияло от возбуждения, а черные глазки бегали по сторонам.

— Лян Эрчун, как это ты сегодня на воле вырвался, что, перестал быть паинькой? — в детском голосе слышалась нарочитая развязность и насмешка.

— Сунь Вэньчжи, ты опять базаришь! Давно тебя не пороли, так кожа зачесалась?! — Лян Цзию, увидев подошедшего и его шайку, скрежетал зубами, готов был броситься на него и искусать.

Сунь Вэньчжи, хотя и был из их деревни, считался пришлым, но семья его была довольно зажиточной. Он каждый день тусовался с ребятами из других деревень, став их предводителем. Поскольку Лян Цзию однажды посмеялся над его именем, Сунь Вэньчжи стал его презирать. Лян Цзию, в свою очередь, тоже его недолюбливал, так что между ними завязалась вражда.

— Ха! Лян Чунцзы, чего это ты старшего брата приволок? Хочешь, чтобы дурачок показал нам, как червяки ползают? — с этими словами он громко расхохотался, а его подручные покатывались со смеху.

Лян Цзию покраснел от гнева и заорал:

— Внучек! Мой старший брат не дурачок, это ты дурачок! Сейчас я тебя так отделаю, что мало не покажется!

Лян Цзию был готов броситься в драку.

Лян Цзивэнь схватил Лян Цзию, и тот от его силы чуть не взлетел в воздух.

— Закончил? Если пришел играть с Эрчуном — оставайся, если нет — проваливай, — Лян Цзивэнь говорил спокойно, но его суровое выражение лица внушало детям желание дать деру.

— Кто, кто будет играть с этой девчонкой в мужском платье! — Сунь Вэньчжи, выпятив грудь, заорал в ответ.

Они слышали весть, что Лян Цзивэнь перестал быть дурачком, но, не увидев этого своими глазами, верили с трудом. Какой дурак может стать нормальным после десяти лет безумия?

Сунь Вэньчжи украдкой посмотрел на лицо Лян Цзивэня и, не заметив гнева, немного успокоился.

<http://bllate.org/book/16557/1510520>